

Заседание РВС: 1–3 июня 1937 года

Свидетельство очевидца

Из сообщений газет 1 июня 1937 года страна узнала о самоубийстве начальника Политуправления Красной Армии Гамарника, а 11 июня – об аресте группы высших командиров Красной Армии, в том числе Тухачевского, Уборевича, Якира, Корка и Фельдмана.

Мне довелось быть непосредственным свидетелем событий на совместных заседаниях Политбюро ЦК ВКП и Революционного Военного Совета Союза (РВС) в июне 1937 года в Кремле.

Пожалуй, я последний живой участник этих заседаний, и мне хочется рассказать, как все это происходило, и о некоторых участниках тех драматических событий.

Революционный Военный Совет в те времена был высшим командным и руководящим органом Красной Армии и всей системы обороны страны. Под командованием РВС находились все вооруженные силы Союза – сухопутные, морские, воздушные, пограничные, – военные комиссариаты всех рангов, а также многие военно-промышленные предприятия.

В целом вся деятельность в целях обороны была прямо или косвенно подчинена РВС. Возглавлял РВС народный комиссар обороны, в состав Совета входили заместители наркома, представители промышленности, представители Совета Обороны и партии. Генеральный секретарь ВКП Сталин неизменно был членом РВС.

По мере необходимости созывались пленумы РВС, в которых участвовали командующие войсками округов и члены их военных советов, начальники центральных управлений, некоторые командиры корпусов, все начальники военных академий и некоторые военные атташе. Обычно на таких пленумах обсуждались годовые итоги деятельности Красной Армии и разрабатывались планы работы на последующее время.

После пленума, как правило, проводился правительственный прием состава РВС в Кремле или Доме Красной Армии, где с заключительным словом выступал Сталин. На приеме присутствовали все члены Политбюро. Обычно это происходило в декабре.

1934–1937 годы были очень тревожным временем. Особенно усилилась напряженность после убийства Кирова 1 декабря 1934 года. Уже до этого прошли процессы Промпартии и Южного Центра со старой инженерной интеллигенцией на скамьях подсудимых – процессы, где на открытых судебных заседаниях Рамзин и Стечкин признавались в организации контрреволюционных вредительских и диверсионных групп. Они разоблачали себя и товарищей в коварных замыслах восстановления капитализма в России. При этом не было засвидетельствовано ни одного конкретного случая вредительства. Процессы носили явно театральный характер с игрой на широкую публику, на возбуждение кровожадных эмоций. Они достигали своих целей. За ними следовали волны народных демонстраций, митингов с лозунгами «Смерть вредителям и диверсантам!» и истерические статьи в печати, требующие всеобщей бдительности и разоблачения последышей буржуазии и ее вредительских холопов в лице инженеров, профессоров и вообще всех старых спецов.

После убийства Кирова началась полоса арестов. Началась массовая чистка Ленинграда от реальных и воображаемых остатков зиновьевской оппозиции, а также того, что еще сохранялось от старой технической и культурной интеллигенции, дворянских и служилых слоев населения. Стало известно, что пачками идут расстрелы на Шпалерной; да, собственно, на митингах и собраниях объявлялось, что мы будем беспощадно мстить за Кирова. Все эти операции возглавил Жданов, председатель ленинградской тройки по рассмотрению контрреволюционных преступлений.

В парторганизациях шли последовательно чистка рядов, кампания выдачи единых партбилетов и, наконец, полоса критики и самокритики. Все эти кампании имели одну цель: дать карательным органам материалы,

позволяющие держать под подозрением возможно больше людей, потенциально подготовленных к аресту и расправе.

Страх, подозрительность, доносы, клевета и разгул агентуры органов стали нормой для первого города революции.

В конце сороковых – начале пятидесятих годов в Московском авиационном институте одним из самых уважаемых студентами профессоров был Константин Ефимович Полищук. Предметом своим он владел в совершенстве, подкупал искренней доброжелательностью и артистичностью.

Поверьте, в юных душах, по крайней мере в некоторых, уже в то ледяное время хватало горьких сомнений, что все советское – непременно лучшее в мире. Наука, техника, искусство, мораль... И что наставники у нас – лучшие под луной, в том числе проросшие из так называемых выдвиженцев и уж подавно – из «красных директоров».

Между тем как раз из них был и К.Е.Полищук. Но мы этого не знали по очень простой причине: недавний «зэк», выпущенный из тюрьмы, однако не реабилитированный, он, естественно, избегал какого-либо внеаудиторского общения с нами, помалкивал обо всем, кроме своей специальности.

Сейчас Константину Ефимовичу 93 года. Родом он из крестьян, до революции окончил землемерное училище. В 1916 году вступил в партию, был пропагандистом, участвовал в гражданской войне. После войны – комиссар знаменитой школы РККА «Выстрел», затем – Высшей электротехнической школы, впоследствии преобразованной в академию (теперь Военная академия связи). Был ее начальником и одновременно комиссаром.

Такова его восходящая карьера. Но было в ней одно существенное понижение: в 1922 году комиссар академии перешел там же в рядовые слушатели – увидел, что со своим землемерным образованием занял чужое место.

Стал инженером, окончил адъюнктуру и вновь поднялся до должности начальника академии.

Арестовали его в 1937 году, отпустили в 1943, «простив». В заключении он работал в секретных конструкторских бюро НКВД с А.Н.Туполевым, В.М.Мясищевым, Р.Л.Бартини, В.М.Петляковым, «прощенный» – с Мясищевым и Туполевым, по совместительству преподавал в МАИ. Автор учебника по оборудованию самолетов и более двадцати изобретений. Генерал-лейтенант в отставке.

О заседании Реввоенсовета СССР в июне 1937 года, о начале разгрома верхушки Красной Армии К.Е.Полищук рассказывает по памяти, без ссылок на архивы, литературу. Не беда. Расхождения получились, насколько можно судить, непринципиальными, лишь в некоторых деталях, а главное – документы и литература не всегда правдивее памяти. Во всяком случае, с ней тоже надо считаться.

К.Полищук

генерал-лейтенант в отставке

В Электротехнической академии РККА, начальником которой был я, все это можно было наблюдать в натуре: потоки грязных доносов, следующих за ними исключений из партии и, наконец, арестов. Начали один за другим исчезать преподаватели, слушатели и сотрудники. Почему, куда, по каким обвинениям – все оставалось неизвестным, в том числе и мне, и комиссару академии. Конечно, ползли слухи: арестовали шпиона Яковлева (начальник исследовательского отдела, он был в командировке в Америки), арестовали Яворского (начальник факультета), «вредителя», троцкиста и так далее.

Одно за другим шли партсобрания, на которых рассматривались дела об исключении из партии либо тех, над которыми висел меч, либо тех, на которых он уже опустил. В последних случаях парторганизации сообщалось, что такой-то изблещен как враг народа и арестован,

следовало единогласное решение об исключении. Все наши частные события шли на фоне громких всенародных процессов «троцкистских блоков», сначала Каменева – Зиновьева, а затем Пятакова – Радека.

Вот в такой обстановке вечером 31 мая 1937 года я получил зашифрованный вызов явиться завтра, 1 июня, на заседание РВС. Когда утром 1 июня я вошел в здание РВС (на улице Фрунзе), меня направили в секретариат наркома обороны. В комнатах секретариата и в зале заседаний РВС уже собрались многие высшие начальники Красной Армии: командующие войсками, начальники центральных управлений, начальники академии, некоторые командиры соединений. Все они сидели за столами, на которых лежали стопки отпечатанных на машинке листов бумаги. Все столы, специально поставленные, были покрыты такими материалами; сидящие за столами брали эти листки и прочитывали их, после чего вновь клали их на стол и брали другие. Все были угрюмы и молчаливы.

Когда я подошел к управделами РВС Смородину и поздоровался, он сказал: «Идите к столам, найдите себе место и читайте разложенные материалы, заседание РСВ состоится позже, когда будут прочитаны материалы». Нашел я себе место рядом с Тодорским, моим начальником по Управлению академиями, и Иппо, начальником Политической академии имени Ленина. Оба они были исключительно озабочены и безмолвны. Взял со стола стопку листов и начал читать. Листы оказались протоколами следственных показаний Тухачевского и других арестованных по обвинению в военном заговоре.

Показания были напечатаны под копирку на листках обычной бумаги, некоторые имели нумерацию, другие не имели, и все они не были сброшюрованы. Печать далеко не на всех была достаточно четкой, читать было трудно. Не сразу удавалось также подобрать последовательно страницы показаний. Чтение было торопливым. Между столами постоянно прохаживались сотрудники секретариата – Смородинов, Хмельницкий, Штерн – и просили не задерживать листы. Читать приходилось те листы,

которые были свободны, а остальные были на руках у других. В общем, ознакомление было несистематическим, сумбурным.

Мне удалось прочитать показания Тухачевского и Фельдмана, не полностью Уборевича, совсем я не читал показаний Корка и Якира и, по-видимому, не очень много от этого потерял: все показания были написаны по одной и той же схеме. Схема эта была примерно такая: какова цель преступного заговора, в котором вы состояли, кто и при каких обстоятельствах завербовал вас в преступный заговор, какие преступные задания вы выполняли, от кого и сколько денег вы получали за шпионские сведения, передаваемые вами иностранной разведке, кого вы завербовали в состав военных заговорщиков и при каких обстоятельствах.

Ответы на эти вопросы были стереотипные, в основном обобщенные, с незначительными нюансами, связанными с различиями в служебном положении обвиняемого и его биографией. Конкретные факты, точные даты, количественные и результативные данные преступлений, как правило, не указывались, но показания были пышно расцвечены стандартными саморазоблачительными фразами типа «встал на преступный контрреволюционный путь предательства Родины с целью восстановления капитализма в стране, уничтожения советской власти, физического истребления членов ЦК Коммунистической партии и вождя народов мира Сталина».

Таковыми были, например, показания Тухачевского. В них указывалось также, что он завербовал в преступный заговор многих высших военачальников, среди них Якира, Уборевича, Корка, Фельдмана, Эйдемана, Примакова. Говорилось и о том, что Тухачевский будто бы передавал фашистской разведке чертежи и другую документацию новых образцов военной техники (самолеты, танки, реактивное оружие и прочее), а также направлял все научные и конструкторские разработки на бесплодный, вредительский путь.

По аналогичной схеме были написаны показания Фельдмана и Уборевича, с той лишь разницей, что Фельдман показывал, что его

завербовали в военный заговор Гамарник и Тухачевский, хотя он самостоятельно, будучи в Германии, был завербован шпионом. Он также показывал, что сам завербовал многих генералов для участия в заговоре, в том числе и своего бывшего заместителя, ныне начальника Управления академий Тодорского. (Тодорский в это время сидел за столом рядом со мною и читал эти показания). Он указал как на завербованного на заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа Гарькавого.

Фельдман показал, что в разное время он получал в небольших суммах деньги за шпионские сведения, а иногда ему передавали ценные подарки (часы, авторучки). Где, когда, как получал деньги, не уточнялось. Главные направления его преступной деятельности – передача шпионских данных о командных кадрах и вредительство в организации частей и соединений Красной Армии и передача мобилизационных планов врагу.

Выражения «преступная», «шпионская», «контрреволюционная», «изменническая» повторялись в протоколах так часто, что составляли, по-видимому, не менее половины текста.

Уборевич также сознался в том, что имел двойную вербовку: сначала его завербовал Тухачевский с постановкой ему задач вредительства, а когда он был в Германии, его напрямую завербовала фашистская разведка. Он неоднократно получал деньги за передачу сведений о состоянии и деятельности частей и соединений Белорусского военного округа, которым он командовал. Вредительская работа Уборевича, по протоколам, включала создание неэффективных укрепленных районов на западной границе, вредительский характер боевой подготовки войск и планы сдачи территории округа врагу. Он завербовал в состав заговорщиков многих генералов штаба и соединений округа, в том числе своего начальника штаба Мерецкова (Мерецков также сидел за столом и читал эти показания).

Надо было видеть состояние духа тех, кто упоминался как завербованный в заговорщики и читал об этом в протоколах обвиняемых, сидя здесь, в зале РВС. Это был убийственный шок.

Всегда бодрый, доброжелательный, общительный Тодорский был смертельно бледен, неподвижен и безмолвен. Ни он, ни кто-нибудь из его друзей не сказали ни слова. Все угрюмо молчали, старались не глядеть друг на друга. Обстановка могильная.

В таком состоянии духа мы покинули здание РВС. Как и все, я безмолвно вышел на улицу Фрунзе и побрел, не замечая ни яркого июньского солнца, ни уличного оживления.

Я не находил никакого объяснения случившемуся. Долго зная многих высших начальников Красной Армии, коммунистов, героев гражданской войны, творцов обновленной, технически совершенной оборонительной системы страны, не мог представить их преступниками, изменниками, врагами народа, заговорщиками против советской власти, партии, ее руководства. Но я только что читал подписанные ими их личные показания...

Все это не укладывалось в голове: сумбур, противоречиво, дико, алогично, предчувствие великой трагедии.

Совместное заседание Политбюро ЦК и РВС Союза. Я у Спасских ворот Кремля. Обычная процедура – опрос в караульном помещении, и мы поодиночке направляемся по асфальтированной дорожке к купольному зданию заседаний ВЦИК СССР. По краям дорожки на известном расстоянии стоят охранники войск НКВД, они направляют идущих к зданию. В здании поднимаемся в круглый зал заседаний (Свердловский зал).

Здесь собрался высший состав Красной Армии – генеральская и адмиральская ее верхушка, военные, политические и технические руководители. Не было только наиболее ценной группы Тухачевского, Уборевича. Они томились совсем недалеко от этого зала, в подвалах внутренней тюрьмы (Лубянка). Все сидят в рядах амфитеатра отчужденно,

подавленно. Нет обычных шуток и каких-либо разговоров. Организаторы заседания тихо ходят по ковровым дорожкам и разговаривают между собою шепотом.

Из глубины зала появляются Сталин, Ворошилов, Калинин, Молотов, Жданов, Ежов, Каганович, маршалы Буденный, Блюхер. Зал встает и молча наблюдает, как президиум занимает свои места. За боковыми служебными столами рассаживаются генералы Управления РВС – Смородинов, Хмельницкий, Штерн и другие, а также руководящие работники НКВД и секретари ЦК.

Места в президиуме заняли члены Политбюро – в середине Ворошилов, Молотов, а левее их разместились Калинин, Жданов, Каганович и Ежов. Сталин сел на краю стола справа от Ворошилова. Все в президиуме выглядели очень озабоченно, даже угрюмо, если не считать Ежова. Маленького роста, почти карлик, с квадратной головой, похожий на Квазимодо из «Собора Парижской богоматери», он был суетлив, улыбочив и о чем-то перешептывался с сопровождавшими его генералами НКВД. Он победно оглядывал президиум и зал. Сталин в своем привычном френче, в сапогах и брюках навыпуск выглядел постаревшим с тех пор, как я видел его на заседании РВС в декабре 1936 года в Доме Красной Армии. Он тоже не показывал признаков угнетенности, наоборот, имел уверенный, даже веселый вид. Он с заинтересованностью оглядывал зал, искал знакомые лица и останавливал на некоторых продолжительный взгляд. Что касается Ворошилова, то на нем, что называется, лица не было. Казалось, он стал ростом меньше, поседел еще больше, появились морщины, а голос, обычно глуховатый, стал совсем хриплым. Буденный с пышными усами носил, как всегда, благожелательную улыбку, а Блюхер был сверхозабочен, тревога сквозила во всех его движениях. Маршала Егорова в зале не было.

Приглашенные разместились главным образом в передних рядах, прямо перед президиумом. Правда, передний ряд был пуст, его занимать избегали. Общее число собравшихся не превосходило ста человек.

Заседание открыл Ворошилов примерно так: полагаем, что все участвующие ознакомлены с материалами о действиях преступной контрреволюционной группы военных заговорщиков, поставивших своей целью свержение советской власти, уничтожение руководителей партии и советского правительства и реставрацию капитализма в нашей стране. Мы проворонили наличие контрреволюционного и шпионско-вредительского заговора в Красной Армии, и это наша вина. Ума не приложу, как мы могли просмотреть такие преступления, не видеть, что творится на наших глазах в самом сердце Народного Комиссариата обороны. Преступления огромны, нашей обороне нанесен неисчислимый урон. Нам надо разобраться, как это могло случиться, выявить все корни заговора, его распространение в рядах армии и раз и навсегда покончить с любыми проявлениями контрреволюционных преступлений, откуда бы они ни исходили. Надо проявить величайшую бдительность, чтобы обнаружить все следы преступлений, возродить дух преданности Красной Армии нашей партии, правительству, Сталину, восстановить обороноспособность страны.

Мы должны выразить высокую признательность наркомату внутренних дел и особенно Ежову за исключительно важную работу по вскрытию преступной банды Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Фельдмана, Гамарника и других изменников Родины, полностью очистить ряды армии от шпионов, вредителей, террористов, какие бы посты они ни занимали в Красной Армии. Мы должны научиться распознавать преступников в наших рядах, разоблачать и беспощадно уничтожать.

Прошу высказываться по рассматриваемому вопросу. Еще раз заявляю, подчеркнул Ворошилов, что я лично в этом деле проявил недопустимую близорукость и отсутствие должной бдительности, что в дальнейшем я постараюсь исправить свои ошибки.

Все выступавшие держали слово примерно по одной схеме. Они прежде всего рассказывали о своей простоте: как это так они многие годы работали рука об руку с преступниками, дружили с ними и нигде и ни в

чем не замечали их преступлений; они глубоко сожалеют о своих промахах, раскаиваются в доверчивости к врагам народа, высказывают презрение к преступникам, требуют для них беспощадной кары, обещают проявлять бдительность во вверенных им соединениях и учреждениях, обещают сделать все, чтобы возместить нанесенные заговорщиками потери и вывести Красную Армию на небывалую высоту боевой готовности и преданности партии, правительству и лично товарищу Сталину.

Те, кто был назван в показаниях как завербованный заговорщиками, клялись, что они никогда ни в помыслах, ни делом не замыслили никаких преступных действий, что они грубо оклеветаны преступной бандой; требовали для изменников смертной кары. Ни один из выступавших не подверг сомнению и критике истинность показаний, их правоту и доказательность, юридическую чистоту и логичность показаний, наличие фактических данных. Никто не обратил внимание на бессодержательность материалов следствия, общие слова и отсутствие конкретных сведений (что, где, когда, чем подтверждается).

Я до сих пор не могу понять, почему такие высокие, многоопытные мужи, герои гражданской войны и революционных действий так слепо пошли на поводу за бестолковыми, необоснованными протоколами, такими чисто хлестаковскими словесными нагромождениями. Тут, по-видимому, приложим только один закон: «если бог хочет наказать, он прежде всего отнимет разум».

Скажу про себя: хотя какие-то инстинктивные сомнения гнездились в душе, но тот факт, что вот сейчас я сам читал личные показания знакомых мне людей, где они страстно признавались, что они преступники, что они имели цели шпионажа, вредительства, что они предавали сознательно, за деньги предавали страну, помогали врагу, ослабляли Красную Армию, заставляли верить – да, это преступники, это лицемеры-изверги, они заслуживают смерти.

Все выступавшие оценивали совершенное участниками заговора как самое отвратительное преступление, мерзкую уголовщину, заслуживающую одной оценки – смерть преступнику.

По этой схеме выступили Дыбенко, Блюхер, Орлов, Кучинский, Алкснис, Осепян, Авиновицкий, Кулик, Городовиков и другие.

Из высших начальников особое впечатление произвело выступление Мерецкова. Он был назван Уборевичем как участник заговора, которого Уборевич завербовал давно и который выполнял шпионские и вредительские задания. Мерецков долгое время был начальником штаба Белорусского военного округа у Уборевича. В 1936 году Мерецков работал главным военным советником Испанской республики и лишь накануне заседания РВС вернулся из Испании. Мерецков говорил, что показания Уборевича, будто он участник военного заговора – неслыханная клевета на него: он никогда ни единой мыслью или действием не повинен в каких-либо преступных намерениях или действиях. Он всегда, на любых постах верой и правдой служил Родине, партии, Сталину. Он поражен такой беззастенчивой клеветой Уборевича. Он на любой работе готов доказать свою преданность Родине. Что касается Уборевича, то он, Мерецков, проклинает преступника и его преступления и требует для него самой беспощадной кары.

В таком же ключе выступил и Кучинский, бывший до этого начальником штаба Украинского военного округа и долго работавший под руководством Якира.

Тодорский, которого тоже назвал в своих показаниях Фельдман как участника военного заговора, завербованного им, совсем не выступал на заседании и, как мне помнится, не являлся на эти заседания ни второго, ни третьего июня.

При всяком выступлении (они происходили с мест, без выхода на трибуну) Сталин внимательно слушал оратора, пристально смотрел на выступавшего, изредка попыхивая трубкой, а иногда вставал и прохаживался возле стола. Никаких бумаг перед ним не было, и я не

замечал, чтобы он записывал что-либо. Реплики он давал редко. Замечания его были краткими. Так, во время выступления Мерецкова, когда тот клялся, что он ни в чем не виновен, Сталин сказал: «Это мы проверим», а на его заявление доказать на любой работе преданность Родине, Сталину, заметил: «Посмотрим». Все время заседаний Сталина не покидала уверенность, приподнятость настроения и даже ироничная усмешка.

Молотов, Калинин, Каганович все заседание сидели молча, с сосредоточенным видом, тоже внимательно слушали и изредка о чем-то переговаривались между собой. Ежов, напротив, вел себя очень оживленно, он то и дело вскакивал со своего места, уходил куда-то, потом снова появлялся в проходе, приближался к Сталину, шептал что-то ему на ухо, опять вскакивал и надолго исчезал из поля зрения. На лице его была квазимодовская усмешка и желание показать энергию и смелость действий. Иногда, выходя из зала, он забирал и всю команду своих помощников, которые плотно толпились у входа в зал; через час-полтора все вновь появлялись в зале, а Ежов снова шептался со Сталиным.

В течение двух дней заседаний наблюдались прямо дьявольские происшествия: из зала заседаний наяву исчезал то один, то другой военачальники. Обнаруживалось это обычно после перерывов в заседании. До перерыва рядом с вами сидел кто-нибудь из командиров, а после перерыва вы его уже не могли обнаружить в зале. Все понимали, что это значит: тут же, на наших глазах, агенты НКВД хватали того или иного деятеля и перемещали его из Кремля на Лубянскую площадь. Все мы понимали, что происходит, в кулуарах фамилии исчезнувших шепотом перекачивались волнами, но в зале все молчали, с ужасом ожидая, кто следующий. Особенно крупная утечка начальников произошла между заседаниями, в ночь с первого на второе июня. Состав пленума потерял за это время около половины своих членов – как командных, так и политических руководителей. И опять-таки никто из многоопытных мужей не поднялся в зале и не спросил, что же это такое происходит, куда

деваются наши товарищи? Все, как кролики, смотрели на Сталина и Ежова, все наэлектризованно следили за движениями Ежова и его помощников, толпившихся у входа, все следили за перешептываниями Ежова со Сталиным, все думали: «пронеси, господи!» Над всеми царил дух обреченности, покорности и ожидания.

В общем, из Свердловского зала после двух дней заседания своим ходом вышло меньше половины высших военачальников Красной Армии, а другая половина под охраной ежовской команды оказалась уже на Лубянке.

В конце второго дня выступил Сталин. Он был очень бодр, уверен в себе и, я бы сказал, был весел. Он также утверждал, что в Красной Армии обнаружен военный контрреволюционный заговор, организованный кучкой негодяев и т.д. Эта кучка подонков, «засранцев» (так и было сказано) вздумала пойти против нас, против руководителей ЦК. За это они поплатятся жизнью. Это жестокий урок для всех нас, мы обязаны самым тщательным образом проверить все корни и связи заговорщиков и очистить ряды Красной Армии от всех изменников и их охвостьев. Надеюсь, что НКВД под руководством испытанного большевика товарища Ежова до конца выполнит свою благородную миссию.

Последнее слово на заседании сказал Ворошилов. Общий смысл его выступления был таким же, как и вводное слово. В заключение он сказал: смерть жалким предателям, ублюдкам Тухачевскому, Уборевичу, Якиру, Корку, Фельдману и всем, кто пошел против Сталина.

К концу заседания первого дня, когда слава и гордость Красной Армии, ее высшие командиры выступили с покаянными речами, били себя в грудь, заявляя о верности Сталину, в зале произошло заметное оживление и даже шум. В зал в очередной раз вбежал Ежов, с кипой каких-то бумажек он подошел к Сталину, дал ему две бумажки, пошептался с ним, а затем с остальными бумажками пошел к входу в зал, к толпе своих помощников, которые удовлетворенно переговаривались друг с другом. Ежов передал своим агентам бумажки, и они начали разносить эти

бумажки по рядам заседающих военачальников и давали каждому по две бумажки. Получил и я такие две бумажки в пол-листа. Это оказались заявления Бухарина и Рыкова. Они были напечатаны на машинке и имели следующее содержание. Я помню их дословно. Вот они:

«Народному комиссару внутренних дел Н.И.Ежову

Ник.Ив.Бухарина

заявление

Настоящим заявляю, что я готов давать показания о своей контрреволюционной деятельности.

Н.Бухарин, 1 июня 1937, Москва. Внутренняя тюрьма НКВД».

То же – от А.И.Рыкова.

Возбужденный и смеющийся Ежов торжествовал победу своих пыточных мастеров.

Забитыми, жалкими вышли мы, оставшиеся еще на воле командиры Красной Армии. Что происходит? Что ждет нас? Кому верить? С одной стороны, сознание полной собственной невиновности, с другой – записанные в протоколах дознаний заявления арестованных, признающих в тяжелейших преступлениях против всех святых. А тут еще хватают и сажают сидящих рядом твоих товарищей, которым ты верил как себе!

Но ведь ни один выступивший на заседании не усомнился в том, что заговор имел место, не усомнился ни Ворошилов, ни те, кого тут же схватили и превратили в заговорщиков. Откуда такая слепота? Если хоть чуть-чуть критически отнестись к протоколам, то «липа» обнаруживается просто блистательно.

Все читавшие эти протоколы были слепые люди, они потеряли остроту зрения до 1937, они были изувечены культом личности, они не хотели думать, критиковать, анализировать. Они верили. И почти всем им пришлось вскоре подписывать такие же липовые собственные показания и идти на плаху.

Несмотря на грубость, невежество и очевидность обмана, постановка Ежовым спектакля военного заговора заворожала «стреляных воробьев» революционной борьбы и гражданской войны и опытных полемистов во внутрипартийных дискуссиях и оппозиции. Как кролики, они смотрели в змеиные очи великого вождя и смиренно ждали, когда их схватят и проглотят. Иначе, чем массовым обалдением, это состояние не назовешь.

Особого замечания заслуживает поведение на заседаниях Ворошилова и Буденного – они оба работали со Сталиным многие годы, прошли с ним боевые походы, видели его грубость, лицемерие, коварство и не сделали ни одной попытки проверить и сопоставить с действительностью глупейшие нагромождения чуши в показаниях пятерки. Либо они, сидя на высших командных постах, были в самом деле безмозглые идиоты, либо они подыгрывали «великому вождю» сознательно, идейно или боясь за собственную шкуру. Если судить по дальнейшему ходу событий и роли в них того и другого, то первое предположение, может быть, больше характеризует Буденного, а второе – Ворошилова, хотя сам он, бия себя, в грудь, о себе говорил: «Я старый дурак».

Восстанавливая в памяти ход всего этого заседания Политбюро и РВС и имея опыт собственного участия в качестве кролика в дальнейшем развитии этой драмы, я убежден теперь, что поведение Сталина на этом заседании явно указывало, что в его лице мы имеем дело с автором сценария и режиссером всей этой постановки. Он ее задумал и разработал давно и ко времени осуществления уже имел полный подбор действующих лиц, подготовил их действия и все мизансцены и рассчитал ожидаемый эффект игрового действия.

Заседания Политбюро и РВС, суд и расстрел Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Фельдмана и других были прологом к дальнейшим многосерийным частям драмы по последовательному массовому уничтожению командных кадров Красной Армии.

В убийственном состоянии духа покинули зал все оставшиеся на воле высшие командиры Красной Армии. Потеряв уверенность в себе, товарищах, руководителях, делах. Мысли, что же это происходит, что же будет дальше, стесняли волю, активность, деятельность.

Вернувшись в Ленинград, в академию, я ощутил полную опустошенность; дни за днями шли слухи, что новые и новые мои руководители и товарищи исчезают в неизвестности. Пропал начальник связи РККА Лонгва, начальник артиллерийской академии Тризна, начальник политуправления округа Славин. В академии исчезли начальник факультета Яворский, начальник научно-исследовательского отдела Яковлев, начальник учебного отдела Ковалев.

Вокруг себя я ощущал пустоту, меня явно избегали некоторые подчиненные, старались не ходить на доклады, в общем, старались держаться отчужденно, начиная с моего помощника по политчасти Саенко. Кстати, мои два бывших помощника по политчасти, Баргер и Чернявский, уже были арестованы. А 10 июля 1937 года, когда в день отдыха я с семьей был на даче под Ленинградом, ночью явились добры молодцы, приехали на моей же машине из города, устроили разгромный обыск, отвезли меня в город и бросили в известную царскую тюрьму «Кресты».

Так началось мое хождение по мукам.